

Хрисанф

**Религии древнего мира в их
отношении к христианству**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Х93

Х93 **Хрисанф**
Религии древнего мира в их отношении к христианству: Том 3 / Хрисанф – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 679 с.

ISBN 978-5-521-29365-0

ISBN 978-5-521-29365-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БИБЛЕЙСКОЕ ВЪРОУЧЕНІЕ ВЪ СОПОСТАВЛЕНІИ СЪ РЕЛИГІОЗНЫМИ ВОЗЗРѢНІЯМИ ДРЕВНОСТИ И ЕГО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕРЪ.

Всѣ религіи древности проникнуты началомъ натурализма. Всѣ народы, по выраженію Библии, пили изъ *отъявшей ихъ чаши* Бала и Ваала (Іерем. LI, 7), т. е. бога природы. Ни одинъ изъ нихъ не возвысился до понятія о Богѣ, какъ о существѣ безконечномъ, отдѣльномъ отъ міра. Только еврейская религія среди всѣхъ другихъ древнихъ религій проповѣдывала объ Іеговѣ, безмѣрно возвышенномъ надъ всѣмъ конечнымъ міромъ; только еврей, обитатель ничтожной Палестины, вѣровалъ въ истиннаго Бога, незнаемаго другими народами. Съ этою высокою религіею связана и та новая всемірная христіанская религія, которая смѣнила собою вѣрованія древняго міра.

Библейское ученіе, излагающее истины той и другой религіи—и древне-іудейской или ветхозавѣтной, и христіанской или новозавѣтной, было исходомъ въ нашемъ изслѣдованіи; оно же должно быть и его концомъ. Какъ единственное истинное вѣроученіе и какъ норма религіи, оно служило для насъ основаніемъ при изложеніи религіозныхъ системъ древности. Съ этимъ указателемъ и мѣриломъ истины мы сравнивали ихъ воззрѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда они представлялись сходными съ нимъ

или тождественными. Возвращаясь въ заключеніе къ своему исходному пункту, т. е. къ ученію библейскому, мы должны сопоставить это ученіе со всѣми вообще религіями древности и представить его цѣльный образъ въ сравненіи со всѣми языческими вѣрованіями, или точнѣе, въ противоположности имъ, и указать его общій отличительный характеръ. При частныхъ, отрывочныхъ сопоставленіяхъ библейскаго вѣроученія съ тѣми или другими языческими вѣрованіями, оно предполагалось нами, какъ уже извѣстное, и мы пользовались имъ, какъ прежде даннымъ и опредѣленнымъ. Намъ нужно теперь доказать полнѣе и обстоятельнѣе, что оно дѣйствительно отличается, и притомъ существенно, отъ всѣхъ религіозныхъ воззрѣній древности. Это тѣмъ необходимѣе, что издавна существуютъ и особенно распространены нынѣ 'раціоналистическіе взгляды, которые совершенно отождествляютъ воззрѣніе библейское съ языческимъ или отрицаютъ его важность и значеніе въ исторіи религіи.

УЧЕНИЕ ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

Ничтожная по пространству, обнимавшему собою не болѣе 500 квадратныхъ миль, и почти безвѣстная передовымъ народамъ древности, Палестина¹⁾ въ исторіи религіи значила болѣе, чѣмъ всѣ царства древняго міра, вмѣстѣ взятые. Народъ этой небольшой малоизвѣстной страны, гористой и пустынной (хотя въ древности и обильной молокомъ и медомъ), прилегавшей къ Финикіи и Средиземному морю, Сиріи, Аравійскимъ пустынямъ и странѣ идумеянъ и филистимлянъ, моавитянъ и аммонитянъ, былъ малосообщителенъ съ другими народами и въ высшей степени своеобразенъ. По своему нравственному строю и быту, особенно же по той задачѣ, каковую онъ осуществилъ въ исторіи, онъ совершенно расходился съ другими народами. Онъ не можетъ, говоря словами Шаф-

¹⁾ Палестина—слово греческое, Παλαιστίνη—отъ פלשתינא, сроднаго съ именемъ פלשתינא филистимлянинъ, פלשתינא филистимляне, слѣдовательно семитическаго корня. Название же филистимляне или филистіяне (у Иос. Флавія Παλαιστῖνοι, Antiq. V, 1. § 18. и др.) сопоставляютъ съ египетскимъ falasa (פלסא) переселиться и въ словѣ pelischtim видятъ значеніе — странники, чужеземцы. Поэтому и въ переводѣ LXX-и хотя изрѣдка (въ Пятокнижii и еще у Ис. Нав. XIII, 3. Сир. XLVI, 21. XLVII, 7. L, 28) и можно встрѣчать слово Φιλιστινῆμ, но вообще употребляется—Ἀλλόφυλοι, въ славянскомъ текстѣ—иноплеменицы. Другіе объясняли это слово съ санскритскаго и сближали съ именемъ пеласговъ (Biblisch. Real—Wörterbuch. v. Wiener. B. 11, 186. 251.

фа, пожать лавры ни въ области жизни политической, какъ древній римлянинъ или персъ, ни въ области науки и искусства, какъ древній грекъ: въ этомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ многимъ изъ древнихъ народовъ ¹⁾). Иную задачу осуществилъ онъ въ своей одинокой, изолированной отъ другихъ народовъ, жизни. Онъ жилъ религіей и для религіи исключительно. «Для индуса», скажемъ словами того же историка, «религія была дѣломъ фантазіи, для грека—дѣломъ эстетическаго чувства, для римлянина—дѣломъ политическаго разсчета. Для одного еврея она была дѣломъ сердца и чувства» ²⁾)—не только главнѣйшимъ, какъ у многихъ другихъ народовъ, но и, можно сказать, исключительнымъ предметомъ его внутреннихъ стремленій и его сердечной привязанности. Еврей не зналъ иной мудрости, кромѣ религіозной; у него не было иной философіи, иной поэзіи, кромѣ той, какую мы находимъ въ его священныхъ книгахъ. Онъ не зналъ и иного искусства, кромѣ священнаго, и не оставилъ намъ никакихъ художественныхъ памятниковъ, кромѣ храма своему Іеговѣ. Во имя религіи онъ велъ войны съ другими народами, за нее страдалъ, для нея наконецъ умеръ политически и въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ до-нынѣ остается вѣрнымъ ей, не смотря на свое разсѣяніе между народами.

Но значеніе еврейскаго народа въ исторіи религіи не въ томъ только, или не въ томъ главнымъ образомъ, что онъ жилъ исключительно религіей и для религіи, а въ томъ, что религія его была не похожа на религіи всѣхъ другихъ народовъ древняго міра. Всѣ разнообразныя рѣки и потоки религіозной жизни древняго міра связаны были между собою; всѣ они имѣли одно общее

¹⁾ Schaff. Gesch. d. Apostol. Kirche. s. 171.

²⁾ Schaff. ibidem. s. 170. .

направленіе. Только еврейская религія представляет собою иной токъ религіозной жизни, чистый, не смѣшивающійся съ другими. Къ этому чистому и свѣтлому потоку религіозной жизни примыкають отчасти только вѣрованія однородныхъ съ евреями по происхожденію семитическихъ племенъ; но и у нихъ онъ уже смѣшанъ съ мутными токами натурализма и потерялъ свою первоначальную чистоту. Только одна еврейская религія среди всѣхъ религій, которыми жили древніе народы, была религіей духа.

Священная литература евреевъ, древность которой несомнѣнна ¹⁾, подобно кодексу священныхъ книгъ у другихъ народовъ имѣла свою исторію и свои періоды развитія. Самую важную эпоху въ исторіи еврейской религіи составляетъ законодательство пророка Моисея, которому принадлежитъ такъ-называемое Пятикнижіе, т. е. пять древнѣйшихъ книгъ священнаго кодекса. Дальнѣйшій моментъ въ исторіи образованія кодекса и раскрытія религіозныхъ вѣрованій представляютъ книги пророковъ, которые были не только изъяснителями закона, но и проповѣдниками новаго, болѣе высокаго ученія и провозвѣстниками новыхъ лучшихъ временъ въ жизни какъ еврейскаго народа, такъ и всего человѣчества ²⁾. Но

¹⁾ Разнообразны взгляды отрицательной критики на этотъ предметъ и иногда они заходятъ очень далеко; однакоже положительно нѣчто не доказалъ и не можетъ доказать, что Пятикнижіе Моисея, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ своихъ (мы говоримъ въ этомъ случаѣ съ точки зрѣнія отрицательной критики), позднѣе «Вѣдъ», «Зендавесты», «Иліады» или китайскихъ «Кинъ» и «Шу».

²⁾ Таково и было главное раздѣленіе священныхъ книгъ у самихъ евреевъ: *законъ и пророки* (Матѣ. VII, 12. XI, 13. Лук. XXIV, 37). Иногда выдѣлялись еще, какъ особый видъ священныхъ книгъ, *Псалмы* (Лук. XXIV, 44). По содержанію и формѣ священные книги евреевъ раздѣляются обыкновенно на законоположительныя, учительныя или поэтическія и пророческія. Но мы говоримъ здѣсь о нихъ съ точки зрѣнія историческаго раскрытія религіозныхъ вѣрованій евреевъ. Съ этой сто-

періоду еврейскаго письменнаго законодательства и установленія теократическаго быта предшествовалъ періодъ патріархальный. О вѣрованіяхъ этого времени мы также знаемъ или можемъ заключать изъ книгъ Моисея. Такимъ образомъ можно различать три періода въ исторіи религіи и священной литературы евреевъ — патріархальный, подзаконный и пророческій. Каждый изъ нихъ своеобразенъ, но въ существѣ они не отличаются по возрѣнію, одинаково возвышенному сравнительно съ вѣрованіями всѣхъ другихъ древнихъ религій. Отъ начала до конца, отъ самой глубокой древности и до позднѣйшихъ временъ, еврейская религія имѣла и сохранила особый характеръ, отличный отъ возрѣній древности. Всегда она содержала высокое ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ.

Религіи языческой древности, какъ мы видѣли, подвержены были міеологическому процессу въ своемъ развитіи; всѣ онѣ проходили чрезъ политеизмъ. Начинаясь болѣе или менѣе неопредѣленнымъ и смутнымъ представленіемъ о божествѣ, какъ о силѣ природы, онѣ разчленяють затѣмъ эту силу на множество силъ частныхъ. Если многія изъ нихъ въ дальнѣйшихъ моментахъ своей исторіи приходятъ къ единству, къ идеѣ одного абсолютнаго существа, то это совершается большею частію при посредствѣ философіи и въ ея сферѣ, а не въ области религіи. Но этотъ монизмъ не уничтожалъ всецѣло политеизма и не стоялъ въ противорѣчій съ нимъ; онъ представлялъ собою только обобщеніе тѣхъ же понятій, какія содержа-

роны псалмы, какъ и другія учительныя, а равно и историческія книги, могутъ относиться къ той или другой эпохѣ, т. е. къ періоду возрѣній болѣе древнихъ или болѣе новыхъ — пророческихъ, или наконецъ по своему внутреннему содержанію представляютъ переходъ отъ одной эпохи къ другой. Спеціальныя волросы о подлинности священныхъ книгъ евреевъ также не входятъ въ задачу нашего сочиненія.

лись въ политеизмѣ. Идея одного высшаго божества въ религіяхъ языческихъ заключала въ себѣ тоже натуралистическое понятіе. Еврейская религія, напротивъ, свободна отъ міеологіи и ей чуждъ политеизмъ отъ самаго начала и до конца ея исторіи. Монотеизмъ и притомъ безусловный, исключаящій собою всякое политеистическое представленіе — ея отличительный характеръ. Единъ сущій, въ противоположность многимъ богамъ и богинямъ язычества, вотъ первый, основной и главнѣйшій догматъ еврейской религіи. Богъ одинъ, и только Онъ одинъ есть Богъ. *Слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть* (Второз. VI, 4). *Я Господь Богъ твой... Да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ мѣмъ Моимъ* (Исх. XX, 2. 3). Идея единобожія составляла, можно сказать, основаніе и сущность всего Ветхаго Заваѣта. Эта идея, безусловно отрицавшая политеизмъ, сама собою указываетъ уже на возвышенное понятіе о Богѣ, какъ о существѣ безпредѣльномъ и все-совершенномъ. Единство, это внѣшнее, количественное понятіе, служило выраженіемъ внутренняго, въ немъ скрытаго и имъ предполагаемаго представленія о Богѣ, какъ о существѣ возвышенномъ надъ всѣмъ конечнымъ міромъ, и о безусловности и неограниченности Его бытія. Единство Бога значило, что Онъ есть существо единственное, исключительное, которое не можетъ быть сравниваемо ни съ чѣмъ конечнымъ. Единъ Богъ и существо, безпредѣльное — въ сущности понятія тождественныя ¹⁾). Ничто въ мірѣ съ Нимъ не однородно. Онъ безконечно выше всякаго другаго бытія, не смѣшивается съ нимъ и не имѣетъ ничего общаго. Проявленія Его

¹⁾ Строго говоря, количественное понятіе единства не приложимо къ Богу, какъ существу безпространственному и безпредѣльному. Въ христіанской догматикѣ идея единства Божія выражаетъ собою метафизическое понятіе о Богѣ, какъ о существѣ единственномъ, безусловномъ.

свойствъ въ мірѣ—не Онъ самъ, не существо Его; силы, дѣйствующія въ природѣ—не частныя обнаруженія Его общей единой силы, нѣтъ; эта высочайшая сила безмѣрно вывыпаетъ надъ всякою и надъ всѣми вмѣстѣ взятыми міровыми силами. Словомъ, этотъ безусловный монотеизмъ еврейской религіи исключалъ собою не только политеизмъ, но и дуализмъ и пантеизмъ и всякій натурализмъ въ понятіи о божествѣ. Вотъ то высокое ученіе, которое возвѣщали еврею его законъ и пророки и къ которому они направляли его мысль, запрещая многобожіе и угрожая за него наказаніями. Религія еврея имѣла цѣлю возвысить его умъ надъ внѣшнею природою и ея слѣпыми силами, освободить его чувство отъ мертваго, безчувственнаго бога природы. Нигдѣ, ни въ одной изъ древнихъ религій мы не находимъ этого безусловнаго монотеизма, и только у семитовъ, долго имѣвшихъ одни общія первоначальныя преданія, сохранились съ большею или меньшею ясностію слѣды этого высокаго представленія о Богѣ.

Но для выясненія идеи о единствѣ Божіемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ намъ нужно полнѣе доказать, что дѣйствительно въ еврейской религіи нѣтъ никакихъ стихій политеистическихъ. То, что говоримъ мы рѣшительно и положительно, для новой библейской раціоналистической критики—еще вопросъ спорный. Многіе изъ новыхъ эзегетовъ и критиковъ не признаютъ, чтобы религія евреевъ въ отношеніи къ идеѣ божества была исключительно, не похожей на другія религіи, и утверждаютъ, что, подобно всѣмъ прочимъ религіямъ древности, и она дошла до понятія о единствѣ Божіемъ въ сравнительно позднѣйшее время, что и евреи сначала были, какъ и другіе народы, политеистами, что и библейскому монотеизму нѣкогда предшествовалъ политеизмъ. Основаніемъ для такихъ заключеній служатъ по-преимуществу раз-

личные наименованія Бога въ Ветхомъ Завѣтѣ и ихъ неодинаковое значеніе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ божества находятъ явные будто бы слѣды прежнихъ болѣе древнихъ политеистическихъ воззрѣній, которыя съ теченіемъ времени смѣнялись новыми, болѣе чистыми и возвышенными вѣрованіями.

Многія изъ именъ Божіихъ въ Ветхомъ Завѣтѣ сходны съ общесемитскими названіями божества, какъ отчасти мы это уже и видѣли. Самыя извѣстныя и употребительныя изъ нихъ: Elohim (אֱלֹהִים), Eloah (אֱלֹהַ), El (אֵל), Elijon (אֱלִיֹן), El Schaddai (אֱלֹהֵי שַׁדַּי)¹⁾. Elohim есть множественное отъ Eloah, которое употребляется, особенно въ древнѣйшихъ священныхъ книгахъ, очень рѣдко и почти только въ поэтической рѣчи. El—одно изъ древнѣйшихъ еврейскихъ именъ Бога, почти тождественное съ семитическими Ilou, Il и подобными, отъ глагола אָלַם—быть сильнымъ, крѣпкимъ²⁾, и значить тоже что Ilou, Il и Bel, т. е. владыка, dominus. Eloah, сродное съ El по корню, сродно и по значенію и выражаетъ идею могущества или частнѣе, предметъ почтенія, страха³⁾. El Schaddai, отъ корня שָׁדַד разрушать, быть крѣпкимъ,

¹⁾ Употреблялось еще часто, особенно въ болѣе позднее время, имя Adonai (אֲדֹנָי) или Adoneinu (אֲדֹנֵינוּ) *Господь* или *нашъ Господь*. Слово это одного корня и значенія съ финикійскимъ—Adon.

²⁾ Oehler. Theolog. d. Alt. Testam. B. I. s. 133.

³⁾ Относительно этимологическаго объясненія и значенія имени Eloah существуютъ два различныя взгляда. По одному изъ нихъ, El и Eloah—сродныя существительныя, и значать, какъ показываетъ глаголѣ אָלַם, силу, могущество. По другому мнѣнію, El и Eloah этимологически различны и послѣднее происходитъ отъ другаго семитическаго глагола, который значить: stupuit, ravoꝛe percussus fuit. Слово Eloah поэтому отвѣчаетъ греческому: σέβας и значило первоначально страхъ, а затѣмъ предметъ страха (Богъ и называется иногда *страхомъ* (Быт. XXXI, 42). Oehler (lib. cit. s. 133—136) поэтому думаетъ, что El указываетъ на силу и могущество, а Eloah—на впечатлѣніе отъ этой силы, или на субъективное состояніе подъ ея вліяніемъ; El—сила, Eloah—сила, возбуждающая страхъ.

указываетъ на откровеніе божественнаго могущества и силы въ мірѣ ¹⁾). El Eljion—Богъ всевышній, Владыка неба ²⁾). Такимъ образомъ всѣ эти наименованія Божіи по своему значенію болѣе или менѣе сродны, хотя нѣкоторые изъ нихъ указываютъ на особыя, частныя свойства Бога, какъ El Eljion и El Schaddai, первое—на возвышеніе Его надъ природою, послѣднее—на Его нравственную силу вседержительства.

Отъ всѣхъ этихъ именъ отличается особое имя Божіе, торжественно провозвѣщенное Моисею самимъ Богомъ при купинѣ. Это Iahveh или Jehovah (יהוה), имя, которое сами евреи называли единственнымъ (помен unicum), и впоследствии стали считать таинственнымъ ³⁾. Какъ грамматически можно объяснять происхожденіе этого имени, и даже какъ оно должно быть произносимо, объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія ⁴⁾, но то несомнѣнно, что по своему первоначальному смыслу оно указываетъ главнымъ образомъ на понятіе бытія неизмѣннаго и вѣчнаго ⁵⁾. Особенныя обстоятельства, при которыхъ оно воз-

¹⁾ Греческій текстъ имя Schaddai переводитъ словомъ: ὁ παντοκράτωρ (Иов. XXII, 17).

²⁾ Въ переводѣ LXX-и ὁ Θεὸς ὁ ὕψιστος (Быт. XIV, 18).

³⁾ LXX толковники, переводя это имя, употребляли не Θεός, а Κύριος.

⁴⁾ Имя Иегова состоитъ изъ 4-хъ буквъ: יהוה. По іудейскимъ преданіямъ знаніе правильного произношенія этого имени потеряно со времени разрушенія Иерусалимскаго храма. Съ XVI столѣтія чрезъ чтеніе мазоретскаго текста съ пунтами стало утверждаться произношеніе: Jehovah; правильнѣйшимъ впрочемъ считается произношеніе: Iahveh (יהוה). Въ Исх. III, 13—15 этому слову предшествуетъ: Ehjeh—сущій или будущій. По Θεодориту, самаританское чтеніе имѣло: 'Iaβē. По другимъ, древніе евреи читали: Ajja, Iaou (См. Herzog. Real—Encyclop. VI. Jehovah. v. Oehler. Его же Theolog. d. Alt. Testam. B. I. s. 139—145).

⁵⁾ Еще прежде, чѣмъ сказалъ Богъ: скажи сынамъ Израилевымъ: сущій (Jehovah) послалъ меня къ вамъ, Онъ называетъ себя такъ: Ehjeh ascher Ehjeh (יהוה אשר יהוה) т. е. «Я буду, который буду», или «есмы, который есмь» (Исх. III, 14). Будущее время здѣсь употреблено